

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 17

1 января 1944 года

№ 17

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

Посылаю через посредство журнала «На Казачьем Посту» мое благословение его читателям: казакам-ратникам и их семьям к дням Рождества Христова и Нового Года.

Испокон веков в наших Православных Храмах на Всенощной в день Рождества Христова поется торжественное и мощное песнопение: «С нами Бог».

«С нами Бог, разумеете народы и покоряйтесь, ибо с нами Бог. Хотя и замышляете замыслы, они рушатся, ибо с нами Бог. Страха вашего не убоимся и не смутимся, ибо с нами Бог. Господа же Бога нашего, Того чтить будем свято, и Он будет нам в страх, ибо с нами Бог. Народ, ходящий во тьме, увидит свет великий, ибо с нами Бог.»

Во дни войны, в вашем подвиге борьбы против врагов Христа и Его церкви, вот, это пусть будет вашей поддержкой, защитой и крепостью: сознание, что Господь с вами. Вот утешение и ободрение для ваших семейств, оторванных от родных станиц, для ваших жен и детей: Господь всюду, и милости Его изливаются на нас, где бы мы ни были. Храните это чувство близости Божией.

Да не будет с этой мыслью соединено чувство самонадеянности, беспечности и гордой самоуверенности. Но пусть в ней выражается крепкая вера в помощь Божью и страх Божий, радостный страх Божий от сознания Божия всемогущества, Божия вездесущия и Божией близости к нам.

Благословение Господне да будет с вами.

ДИОНИСИЙ
Митрополит Варшавский

Рождество Христово

Сочельник... Рождество... Крещение... Святки...

Там, где религия признана дурманом для народа — какие отжившие, мертвые понятия! Самые слова неясны. Что это за сочельник такой? Чье рождество? И какое крещение, когда нет никакого крещения? Нет религии, идет Богоборчество... Не нужны эти слова.

А вера?..

Вера осталась. У нас, у казаков... Где-то там, в самой глубине, в каком-то дивном тайнике, где может быть, и находится непризнаваемая и не признанная душа, куда никакой самогон не найдет пути и что открывается в часы тяжкого горя, тоски по утерянной Родине, под впечатлением горькой обиды от незаслуженного оскорбления, от грубого слова, от побоев... да... от побоев... вдруг шевельнется она.. и скажет тихо... тихо: — «Бог все видит»!.. И только...

Бог...

Это еще не вера... Это лишь таинственное подсознание. Тихий, бледный, неясный ответ души... которая есть.

Что-же это такое: — сочельник, рождество, крещение, святки?...

Тесно, тесно переплелись трогательные повествования евангелия о первых днях жизни на земле Господа нашего Иисуса Христа с языческими обрядами, с бытовой жаждой народов среди лютой зимы встряхнуться, отпраздновать, забыться на мгновение, на один миг, погулять, пошутить над зимой и подготовиться к весенним работам, к пахоте, севу, к летней земледельческой страде.

12-25 декабря - православная церковь празднует святого Спиридона. Народ говорит: — «Спиридон — поворот: солнце на лето — зима на мороз». Звездочеты говорят: — «день зимнего солнцестояния». Земля в беге своем вокруг солнца поворачивает, — о, как медлительно она это делает! — на путь ближе к солнцу. Дни становятся длиннее. Ярче солнечные лучи.

От этого — жажда праздника. Он и приходит со «святками», с шумным катаньем на разукрашенных лентами, гремящих колокольцами и бубенцами тройках, с ряжеными в диковинных масках, — и не узнать, кто приехал, — с приготовлением чуть не за месяц к нему, с копчением, и жарением колбас, гусей и поросят, с шумными пиршествами, с плясками, со свадьбами, с хмельным загулом на весь хутор, на всю станицу.

Из школы вереницей идут мальчики, несут разукрашенную звезду, поют о рождестве Христовом...

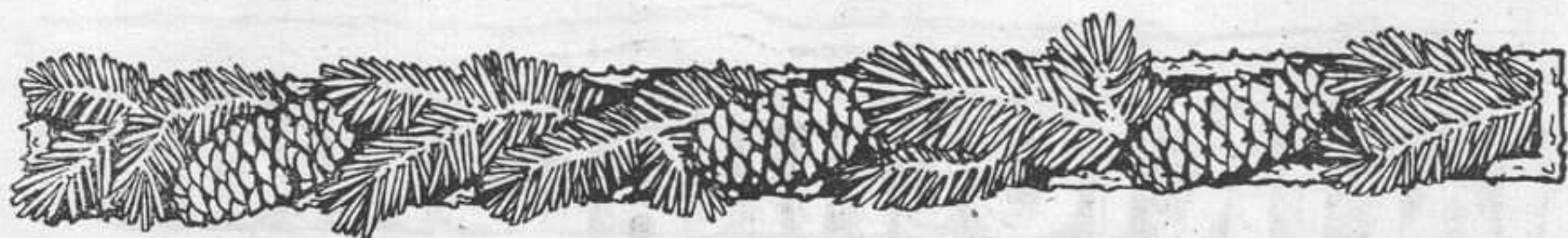
На реке — на Дону, на Кубани, на Тереке, на Урале, на Волге, на Иртыше, на Амуре, на Или — везде, где живут казаки, готовят «Иордани» проруби для водосвятия. Лютый «крещенский мороз»... Сизый пар над рекой... А вон-гляньте — напи молодцы и с ними дед Ермил пошли в закуток раздеваться. Будут кидаться в прорубь... Потому — Крещение!.. Как же иначе? Дед Ермил — ему под восемьдесят — шестидесятый раз купается 6-го января. Ничто!.. Заправится потом водкой и только румяней станет.

Когда кончится этот шумный святочный загул почти что на две недели — скажут в станице: — «вот и святки прошли... Слава Тебе Господи... И с розговенами, и с ряжеными, и с плясками и с танцами и со свяченой волицей в Крещение»...

Пришел жид... Властно сказал: — «предразсудки... Поповские сказки... Не по Марксу, не по Ленину-Сталину... Опium для народа... Жид комиссар не велел этого делать. Отставить праздники Рождества!.. Нынче у нас пятидневка — работа на оборону социалистического отечества... Вы скоты, а не люди... У скотов какие такие праздники?!».

Ну и отменили. Смутно и кисло стало на душе. Тяжко без передышки, без отдыха прожить длинную холодную зиму...

Попали казаки из советского застенка в вольный мир, за границу... к немцам...

Праздники... Рождество.. Везде, чуть не за месяц, как у нас бывало, до жидов, — идут приготовления. Нужно каждому близкому, родному, послать подарок... И из дома на фронт, на позицию сыну, мужу, брату, жениху, и с фронта домой — матери, жене, сестре, детишкам, невесте. Завалена почта посылками. Сбиваются с ног почтовые служащие и почтари. Не ропщут. Нельзя.. Праздники... Рождество..

И... Непременно — елка.. Пятый год войны, какие страшные налеты на города, какие разрушения!.. Сколько горя кругом... Некому рубить столько елок.. Ну, хотя елочные ветки, — а нужно послать. Нужно сказать: — «посмотри на вечную хвою елки — это вечная жизнь — нету смерти»...

И еще рассказывают в народе: — «когда в святую ночь, родился в пустыне, в яслях, Христос, Спаситель Мира, пришли волхвы — кудесники и принесли Ему подарки — золото и душистое масло. Прислали дары и разные страны света. Юг послал дивную пальму в желтых цветах, как золото блестящих; восток — прекрасный, огромный цветок белого лотоса; запад-розы красоты изумительной... Север... Оглянулся север. Что пошлет он Младенцу Христу? Все покрыто снегом и льдом. Волы стоят деревья. Нет нигде пестрых цветов. Ничего нет достойного сына Божия. Только скромные зеленые елочки, как девочки подростки убежали на опушку леса и точно просят, чтобы их послали. Но, как стала елочка рядом с гордой пальмой, как взглянула на изумительную величавую прелесть лотоса, как увидела роскошную красоту роз-устыдилась она своей бедности и заплакала. И пожалел ее Господь. Стали слезы ее обращаться в алмазы, стали сиять огнями. С неба посыпались на елочку звезды, плоды разные и украсили елочку лентами и стала она наряднее всех других цветов... Вот и пошел отсюда обычай украшать елку на Рождество серебряными звездами, зажигать на ней свечи, вешать игрушки для детей, плоды и нарядные коробочки.

Пойдет казак за границу, заглянет в чужой Божий храм, куда идут почему-то и старый и малый, куда несут детей. Там в храме — вот чудеса!

Игрушки поделаны. Стоят маленькие ясли, в них солома, на соломе младенец Христос. Подле из гипса сделанные раскрашенные куколки — святая Дева Мария, Иосиф, волхвы, пастухи, коровы, вола, ягнята, осел — и все освещено тихим светом сияющей над ними звезды.

Так на западе Европы церковь вспоминает евангельский рассказ о том, как 1943 года тому назад в Вифлееме, в хлеве среди рабочей скотины у бедных пастухов на соломе лежал младенец Христос, и волхвы, приведенные к нему звездой, пришли приветствовать Его, а Ангелы на небе пели: — «слава в Вышних Богу и на земле мир в человецех благоволение».

Поглядит, поглядит на все это суровый казак, за кем 15 лет чрезвычайек и тюрем, Соловки, тамошний «слон», Беломор-строй, Днепрострой, и еще и еще каторжные работы под жидовским окриком, и подумает: — «а не стыдно им? Ить взрослые!..»

И тут, где-то, далеко внутри, что-то скажет, тихо... шопотком.. скажет.. Напомнит: — «да ведь и то.. Что-же это?. Ньюжли-же забыл?. Нынче Рождество Христово. Крещенье Господне вот оно не за горами. Дед Ермил — на смерть забил его большевики—купался на Иордани, в крещенской проруби.. Ведь и то — святки!..»

И шевельнется нечто теплое в безконечно усталой, измученной, жизнью затравленной душе казака. И скажет про себя: — «слава в Вышних Богу и на земле мир—в человецех благоволение!».

Вздохнет.

Когда-же все это будет? И слава Богу... и мир на земле.. и старая благодать в наших казачьих землях.

Мужайся, станичник! После нашей общей победы все, все будет: — сгинет злобный жидовский мир коммунизма; настанет слава в вышних Богу и у нас, Казаков, наш Христианский православный мир, полный радостного благоволения в сознании исполненного долга и победы.

Т. Краснов.

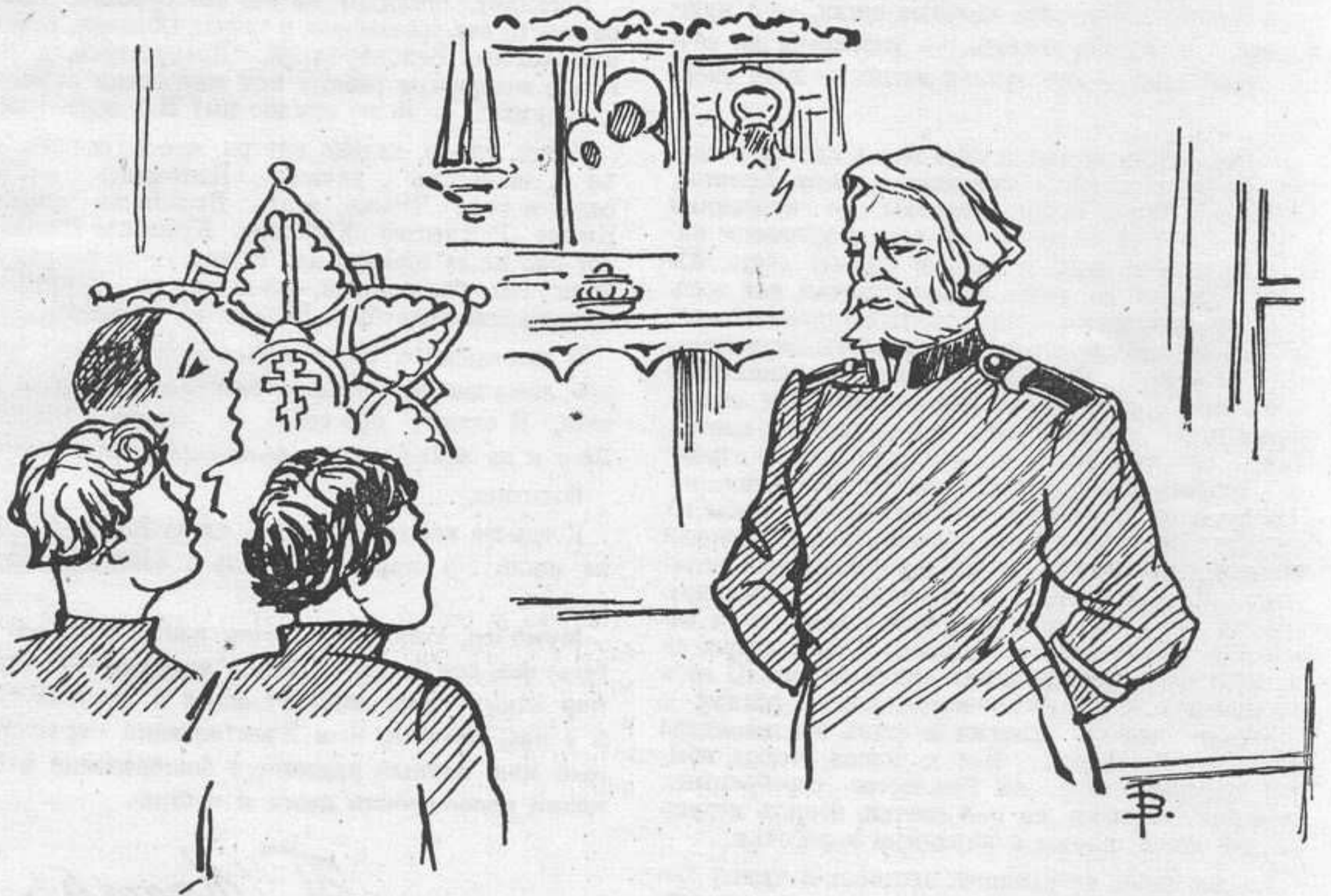
ХРИСТОСЛАВЩИКИ

Забайкальская быль

Трескучим морозом началось рождественское утро. В морозной утренней мгле не видно было в поселке домов. Все сковал мороз своим ледяным дыханием. Все застыло кругом. Птица мерзла на лету. Захватывало дух. Трещал и ломался лед на речке, трескалась земля.

На стеклах в избе у нас совсем обледенело. Развел по ним хитрые узоры за долгую ночь мороз, разрисовал на них целые леса с цветами, и травами, точно по заказу. На улицу через окна ничего видно не было. Только когда жадное пламя металось в русской печке по толстым смо-

Сам атаман Афанасий Колобов пронизательно смотрел на нас своими строгими глазами. В черном мундире, обшитом белыми галунами, с вахмистерской серебряной полоской на погонах, высокий, величавый, он производил на нас всегда большое впечатление, как представитель поселковой власти. С большим уважением относились к нему в поселке и все казаки, вплоть до стариков. Умный, рассудительный, Афанасий Колобов одним словом разрешал на сходках самые запутанные, сложные вопросы казачьей жизни. Любитель большой был на беседы из свя-

ляным поленьям и тепло стало расходиться по всем углам, тогда лишь обтаивать стали стекла и в избе посветлело.

В праздничных бешметах, в бараньих теплых шапках с ушами, — на ногах легкие чesанки — мы весело, с прыжкой, бежали по поселку с рождественской звездой. Макарка вез салазки с мешками. Мотал головой, как коренник. Мы с Сенькой на роли пристяжных. Хотелось нам первым прославить Рождество, пораньше всех. Спешили к атаману, первому богачу в поселке.

Нестройно, торопливо, едва переводя дыхание, мы пели, ставши рядом в большом доме атамана, поднявши головы на старинные иконы и славили Христа-Младенца.

ценного писания, знал отлично церковные службы. На завалинке, летом, окруженный стариками и поселковой молодежью, в праздничные дни, бывало читал он редко попадавшиеся газеты. Толковал о том, о сем, непонятном, мудреном, что творилось на свете. Разъяснял так понятно все, что диву давались даже старики.

Сердчишко сильно билось у меня, когда мы закончили Рождественский тропарь. Лица горели у нас, как в огне. Таким растерянными, робкими вдруг почувствовали мы себя в доме атамана. Куда девалась наша прыть и озорство, неразлучные спутники нашей беззаботной едва занимавшейся жизни в глухом поселке среди гор и лесов.

— С праздником, с Рождеством Христовым, хозяин с

хозяйской, — проговорил Макарка. Мы все трое неуклюже поклонились атаману и его жене.

— Хвалю за божественное. Ладно поете — одобрил атаман. — Дед подъучил все? — обратился он ко мне. — Слова вот только не совсем понятно тянете. Ну, да какой с вас спрос. Маловаты еще ить. — Атаман достал из кармана шаровар совсем новенький, еще блестящий полтинник и подал Макарке. — Это — на орехи вам. На почин. А ты, Марья, гребни-ка им из всех сусеков по совочку зерна. Прибавь им то, да се.

Веселые, радостные от щедрости атамана, мы дальше бежали с салазками по улице. Из дома в дом переходили мы. Обгоняли других христовлащников. Перекликались с ними. Узнавали, кто больше наславил.

В карманах звенело серебро и медяки когда мы возвращались домой с мешками, полными зерна и всякого печенья.

Все свое богатство поклади мы на стол. Раскладывали в стопки. Дед с серьезным видом считал. Мы наперебив рассказывали, кто сколько от доброго сердца и простоты своей подавал нам за славословие Рождества Христова.

— Ого, рублишек пять уже набирается. Вот ить богачи какие, — удивлялся дед.

— Поровну-то трудно поделить на вас. Вот эта горка тебе, — пододвинул он Макарке деньги.

— А это вам с Сенькой по горке.

Самая большая горка денег оставалась в стороне.

— Это, други мои, знаете кому?

Мы вопросительно смотрели на деда. Он достал большую церковную книгу, которую хранил, как староста часовни.

— На церковь Божью пойдет от трех глупых отроков, — проговорил он торжественно. Раскрывши книгу, что-то долго и старательно записывал большими корявыми буквами. Потом перекрестился, собрал деньги и отнес в шкапу в горницу.

— Зерно отвезите старухе Юдишне на пропитание. Вот и ей праздничек справите. Богу молиться будет старая за вас. С измальства приучайтесь к доброму делу. Стороной не обходите сирот, да одинокую старость. Сотворите милостыню с ласковым словом каждому, что судьбой обижен да грешными людьми.

Мы слушали деда с вниманием, и непонятная радость вливалась в наши детские сердца в этот великий день. Мы все готовы были раздать по слову деда. В наших душах оставалось какое-то несметное невидимое богатство, которое можно только пережить, ощутить в себе, но невозможно было высказать нашим бедным казачьим языком глупой, но счастливой золотой поры нашего детства.

У седой, трясущейся от старости бабки Юдишны, одинокой вдовы, катились слезы благодарности, когда мы, еле подымая втроем мешок за мешком, высыпали ей в маленький сусек собранное во славу Младенца-Христа мирское зерно.

— Голубчики, касатки мои золотые, да мне да самой смертушки моей хватит теперь пропитания. А сколько шанег разных, колачей, куда мне столько, старой!

Хрисанф Попов.

Сочельник

Святочное баловство внука

С акварели А. Мельникова

Выходи со мной на воздух,
За сугробы у ворот.
В золотых дрожащих звездах
Темно-синий небосвод.
Мы с тобой увидим чудо, —
Через снежные поля
Проезжают на верблюдах
Три заморских короля.
Мы пойдем тайком за ними
По верблюжьему следу,
В голубом морозном дыме,
На хвостатую звезду.
Мы с тобой увидим после
Этот маленький вертеп,
Где стоит у яслей ослик
И лежит на камне хлеб;
И сюда, в снега глухие,
Из полуденной земли,
К замороженной России
Приезжают короли;
Преклонить свои колени,
Там, где благостно светя,
На донском душистом сене
Спит небесное дитя.

Николай Туроверов

РЕДАКЦИЯ И СОТРУДНИКИ

„НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ“
ПОЗДРАВЛЯЮТ ЧИТАТЕЛЕЙ

С НОВЫМ ГОДОМ

И С РОЖДЕСТВОМ ХРИСТОВЫМ!

Исторические очерки Дона

Часть вторая

ДОНСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО

I

Опасность жизни на Дону из за набегов Закубанских татар и черкесов. Разорение татарами Быстрианского городка 15-го августа 1738-го года.

Как же жили Донские казаки под покровительством Российской Империи, когда началась у них мирная жизнь, когда стали они сеять хлеб, разводить сады и винограды, прочно оседать на земле? Настали мир и тишина на некогда столь бурном Диком Поле? Мог казак наслаждаться этой тишиной? Перестала лииться по Донским степным просторам кровь и казачьи головы засеивать донские поля и буераки?...

Нет!.. Мира и мирной, покойной жизни на этой южной, степной окраине Русского Государства не было.

К востоку от Дона по Задонской степи кочевали калмыки. Их князь Дундук Омбо в первые годы второй четверти XVIII века заключил прочный союз с Донскими казаками и вместе с ними воевал против Закубанских татар — ногайцев. У казаков были старые счеты с ногайскими татарами и черкесами, жившими в Кавказских горах. Донцы жили набегами на татарские и черкесские улусы и аулы; татары и черкесы платили им тем-же.

Конный, лихой и лютой враг был кругом. Донским казакам с морских и речных стругов, на которых они ходили по морям и рекам, пришлось пересест на коней, вооружиться шашками, луками и стрелами, пищалями, а с 1738-го года и пиками (дротиками). Им нужно было всегда и везде быть готовыми к бою, к отпору, к гибели и разорению их станиц и городков.

Шел казак в степь, на свою «деляну», пахать, или сеять — он брал ружье, или лук не для того, чтобы подстрелить набредшего к нему на поле дудака (дрофу), или чтобы стрелять пролетного гуся, или лебеда, но для защиты от могущего каждый час наскочить татарина.

Станицы были окружены рвами и валами, имели впереди засеки. От каждой станицы днем и ночью высылались в степь дозоры, называвшиеся в ту пору пикетами, чтобы наблюдать за степью.

России было не до помощи казакам. Российская Империя в молодые свои годы бурно расла, ведя ряд завоевательных войн. Едва окончилась Ништадским миром, в 1721-м году, война со шведами, давшая России владения на Финском заливе и Балтийском море, как Петр повел войска на юг, вдоль западного берега Каспийского моря, по следам Степана Разина и вступил в войну с персами. Петр искал путей в богатые Индейские страны.

При Императрице Анне Иоанновне была война с Турцией, и фельдмаршал Миних занял Азов, уступленный Петром туркам после неудачной войны в Молдавии. Русские войска вошли в Крым...

Во всех этих войнах принимали участие Донские казаки. Они, по приказу военной коллегии, выставляли полки в Русскую армию. В эти войны особенно отличался Донской атаман Иван Матвеевич Краснощеков, ставший первым «бригадиром» войска Донского.

Молодые, взрослые и сильные казаки уходили в походы, в Финляндию, на Кавказ — к Дербенту, в Крым. По станицам оставались старики, дети и женщины. В эту пору стала закаляться в суровой и опасной мужской работе женщина — казачка, ничем не отстававшая от мужа и отца-казака. Во время войн с Турцией, турки посылали к ногайцам послов, побуждая татар устраивать набег на Донские городки чтобы тревожить оставленные казаками станицы.

История сохранила очень яркое и живое описание такой боевой жизни на Дону в царствование Императрицы Анны Иоанновны.

15-го августа 1738-го года в Быстрианский городок со степных пикетов прискакали два испуганных всадника. Они мчались к избе станичного атамана и кричали по улицам и проулкам: —

— Валит на нас Касай — мурза с черкесскою силою видимо-не видимо!..

Ударили «всполох». Побежали станичники к станичной избе. Пошли разговоры.

— Отразить надо-ть, — говорил один.

— Отра-азить... Говорят тебе — видимо и невидимо!.. Ухлебосолить горцев надо, — возразил другой...

— Т-тю!.. Ухлебосолить их аспидов!.. Эва какой!.. А ишшо казак!.. Кое кто и причитал беспомощно: —

— Пропали наши головушки... Погибать нам через их придется... Нет наших защитников казаков.

Среди гомона, крика и шума раздавался громкий голос станичного есаула: —

— Помолчите!.. Помолчите, атаманы молодцы!..

Говор затих. Казаки раздались по площади, привычно стали кругом.

Из избы при шашке, опираясь на насеку, вышел станичный атаман.

— Ну, атаманы молодцы, — сказал он, поглаживая седеющую бороду, — застала нас зима в летнем платье. Теперь не время замышлять о шубе, надо подумать, как бы голытьбе выдержать морозы... Не учить мне вас, атаманы молодцы, как резаться с басурманами: — это дело казацкое, обычное. Но о том не смолчать мне, что всех нас теперь — первый, второй — да и конец счета. Татарской-же силы сложилось по наши головы тысяч тридцать, аль и больше.

— Счет то велик, — перебил атамана старшина Роба, — да цена в алтын: — Касай-мурза громоздок ордою, а лихих начальников и молодцов — наездников у него по пальцам перечесть можно. Так не лучше ли не терять поры, залечь по концам городка и нажидать татар на дуло... А там, гляди, и войсковою наш атаман Данило Ефремыч с войском подмогу подаст... А и нет... Так лучше голова с плеч, чем живые ноги в кандалы татарские.

— То-то вот: — голова с плеч! — в раздумьи проговорил атаман. — Головы казакам складывать не диковина, да какова про мертвых в войске речь пройдет?..

На середину круга вышел старый седой казак Булатов.

— Не под стать нам теперь, атаманы, смутные заводы заводить, — сказал он. — Того и гляди, татарская сила накроет наш городок. Рассудимся после. К вечеру, может, упадет нам в новоселье скочевать, на матушку сырую землю. Там будет каждому расправа на чистоту. Подумаем о другом. Ведь делу конец и теперь виден; помощи ждать не откуда; живым отдаться стыдно, да и не за обычай...

— Говорите дальше, чего же делать?..

— Дальше?.. Да что-же и говорить то! Пока у нас шашки, ружья да порох, есть и головы на плечах — надо биться — вот и все тут... Давайте-ка разделимся на десятки, да раскинем умом — разумом, где кому засесть в концах городка. Я, примерно, покладаю вот как: — Афанасию Меркуловичу быть на коне, с конными и по первоначалу выскакать за городок. Посмотреть, что и как?

— На разведку, значит, — сказал Афанасий Меркулович и толкнул сына, двенадцати-летнего мальчика, чтобы тот сел на коня.

— На разведку, — подтвердил Булатов. — Мне, Булатову, в передовых — лежать на валу: Михаилу Иванычу — по базам и за городом сесть, а тебе, атаману, оставаться с подмогою недалеко от боя и быть надо всеми старшим... Ну, станичники, как присудите, пригадаете?..

— Быть по твоему, раздались голоса казаков.

— К делу речь!..

— Дай Бог в добрый час!

Быстро разбежались по куреням, схватили оружие; конные с Афанасием Меркуловичем в облаках пыли понеслись в степь.

И только успели казаки залечь по завалам, как татары нахлынули на городок.

Два сильных приступа татарских Быстрианцы успешно отразили. Надеялись на помощь войскового атамана — да далека была та помощь. Более ста верст нужно было скакать за нею по балкам и степям.

При третьем натиске казаки потеряли в рукопашном бою половину бойцов и подались назад. Свиренные закубанцы бурным потоком разорвали сомкнувшиеся для рукопашного боя ряды казаков и с громкими криками: —

— Гайда!.. Адын — джур!.. вперед, вперед! — рассыпались по улицам.

Затрепали ломаемые плетни. Стройные черкесы помчались вдоль казачьих куреней. Сверкнул огонь вздутых смоляных факелов, потянуло соломенной гарью. Белый дым поднялся от крыш. Вспыхнуло желтое пламя.

Городок запылал пожаром.

— Бабы, — крикнул атаман, — Тушите пожар!

Он кинулся с подмогою на татар и погиб в кровавой сече... Вечерело. Татары и черкесы кончили вьючить лошадей и обремененные добычей уходили в степь. Городок догорал.

Торчали обгорелые кирпичные печи и трубы. По углям, покрывавшим землю курился сизый дымок. Старик Булатов погиб со всею семьею. С окровавленными сединами, раскинувшись на горячей золе своего куреня спал он непробудным вековечным сном. Возле него умирали старая жена его Нефельевна, и меньшей внук. Старший внук, юноша, браваый казак, корчился на площади в предсмертных судорогах. Татары отрубили у него обе руки в то время, когда он хотел вырвать у татарина аркан, захлестнувший его невесту.

Быстрианский городок погиб.

Но... жизнь сильнее смерти. Из далеких походов на родное пепелище вернулись казаки, и на месте старого городка выросла новая Быстрианская станица.

И пока существовало Донское войско было в обычае в станицах Быстрианской и Нижне-Каргальской (потом Мариинской) вечером звонить на колокольне редким звоном три раза. Так в старину напоминали рабочим в поле, что после третьего удара ворота заперты и никого в станицу не пустят. 15-го августа, в Быстрианской станице служили панихиды по убитым в 1738-м году. За поминальным обедом станичники поминали своих дедов, погибших от татар.

В те годы не одна Быстрианская станица пострадала от татарского набега. Гибли и другие станицы... Гибли и возрождались...

Так было на Дону... Так и будет... И хотя все погибнут — в новой и лучшей красе все встанут из пепла разрушения!..

II

Жизнь «пока Москва не узнала». Зимовые и легковые станицы в XVIII веке. Донское войско в глазах иностранцев продолжает считаться самостоятельной республикой. Донские старшины. Атаман Данило Ефремов. Появление на Дону крепостных крестьян — «Иногородних».

Войско Донское потеряло самостоятельность, но самобытности, самоуправляемости не утратило. Говорили в ту пору Янские казаки: — «живи, пока Москва не узнала». — Так рассуждали и Донцы.

В первую половину XVIII века Российская Империя не в твердых была руках. На севере отстраивалась новая столица — державный Санкт-Петербург, Петров город. Интересы власти были на севере. Москва хирела. Не до Дона ей было. Так было в правление Екатерины I, вдовы Императора Петра Великого, Анны Иоанновны, Анны Леопольдовны и в тихое, спокойное, безмятежное царствование Императрицы Елизаветы Петровны, дочери Петра I. В России крепло дворянство. Тяжелее налегала рука помещика на крепостного крестьянина. По городам строились дворцы и хоромы вельмож, а по имениям росли богатые усадьбы. Роскошь нарядов, выездов, псовых охот окупалась тяжким трудом раба-поселянина.

Донских казаков это не касалось. По прежнему ездили в Москву, ко двору «зимовые» и «легковые» станицы. Но они уже утратили дипломатический характер. Было только «представительство» Войска перед Императорскою властью. С 1731-го года было постановлено посылать от Войска ежегодно одну зимовую станицу и пять легковых. Как и раньше весною спускалась по Дону на бударах зимовая станица; с ружейною пальбой плыла мимо прибрежных станиц, везла царское жалованье. Но и это был только старинный обряд. И сукна и муку и всякий припас казаки покупали за деньги у купцов, а порох и необходимое снаряжение Войско получало на Приазовских крепостях. Но — мил был донскому казаку старый обычай, напоминал ему о временах вольных. Радостно в «цветных» платьях с пушечной пальбой встречали в Черкаске станицу; собирался войсковой круг. Атаман зимовой станицы перед кругом чинил доклад о Московских делах, о Царском пожаловании. Делили между станицами привезенное жалованье.

Военная Коллегия, которой было подчинено войско Донское не касалось внутренних распоряжений войска. Она вела учет казакам, указывала, куда и сколько полков должно быть направлено, выплачивала служилым казакам жалованье, кому таковое полагалось, и снабжала полки провиантом и фуражем. Кто будет начальниками этих полков, как они будут созданы, как и кем будут обучаться — это ее не касалось. В «казачьем повытье» Коллегия знала, что полки будут хороши и отлично будут сражаться.

Дон продолжал жить, управляться и судиться по своим обычаям и старым заветам и преданиям, как говорили на Кавказе на основании неписанных законов — «салатов». И были эти неписанные законы крепче писанных. Жили казаки, как говорили со снисходительной насмешкой в Петербургских канцеляриях «по ихнему нерегулярству».

Проезжий через Россию в ту пору иностранец Манштейн в своих воспоминаниях о России 1730-го года называет Дон

«республикой, добровольно подчинившейся покровительству России». Он писал, что «Двор обращается с казаками с большою мягкостью и обходительностью». Самых Донцов Манштейн называл «нацией, из главных офицеров (старшин) которой набирается глава их республики, утверждаемой Двором».

Немец, академик Гмелин, в 1769 году, в царствование Императрицы Екатерины II, описывая Черкасск, называет его местом, где, казаки, «рассуждая по образу общенародного их правления, собираются в важных случаях советоваться между собою. Там находится их верховный суд, которому все подчиняются».

Круг и точно был, но он был меньше числом, чем в старое время. На него съезжались казаки 11-ти Черкасских станиц и станичные атаманы и старики ближайших к Черкасску станиц.

1-го января каждого года на Кругу происходили выборы всего войскового управления, кроме атамана. В мае, по прибытии будар с зимовой станицей из Москвы, распределяли по станицам жалованье и разбирали важнейшие судебные дела и межвые споры между станицами. Круг выбирал казаков в зимовые станицы, выбирал старшин и назначал полковников в полки.

4-го марта 1738 года Императрица Анна Ивановна ознакомившись с усердной службою старшины Данилы Ефремова именным указом на его имя объявила: «понеже Мы за благо и потребно рассуждаем, при Донском войске особливому для нынешнего военного случая, вместо наказного атамана, которым до ныне войсковые дела управляемы были, определить войскового атамана; того ради Мы оного войскового старшину Данилу Ефремова за долговременные и ревностные его Нам и предкам нашим службы, в оный чин войскового атамана всемплоштивейше жалуем».

Это было первым и крупным вмешательством в Донские дела и обычаи. Войсковой атаман был назначен Императорскою властью, и назван чином. Войсковой атаман был назначен за «долговременные и ревностные Нам и предкам нашим службы». Ефремов был назначен за службы России и ее двору, а не за службы Войску и заботы о нем... Назначение это имело для Войска большие и разнообразные последствия.

Данило Ефремов был сыном старшины Ефрема Петрова, удушенного в Черкаске Булавицами за то, что тот привез на Дон «честные клейноды».

Человек характера сильного, искушенный при Петербургском Дворе, по тогдашнему времени образованный, привыкший к широкой жизни, выслужившийся не в Войске, а на войнах и при Дворе, почти чужой для Войска, он самовластно, не считаясь с Кругом и старшинами, правил Войском 15 лет и при своей жизни провел своего сына Степана в войсковые наказные атаманы. И еще долгое время продолжал за спиною сына руководить войсковыми делами.

Насмотревшись на жизнь Русских вельмож, Ефремов занял для себя большие земельные угодья и стал на них широко, с Русским помещичьим размахом, строиться, как на Донце в имениях своих, так и в Черкаске. Он завел роскошь, невиданную на Дону.

На него, за незаконные его поступки, на самовластье его, на жестокие расправы с казаками, негодившими ему, шли жалобы в Петербург. Жалобы эти не доходили ни до Императрицы Елизаветы Петровны, ни до Императрицы Екатерины II, неизменно благоволивших к Ефремовым.

Для обработки захваченных Ефремовым земель — отец и сын сманивали и покупали крепостных крестьян из соседней Украины, принимали беглых и селили их слободами, и на огромных степных просторах своих имений. Эти донские новопришельцы не имели ничего общего с прежними «бураками» и «беглыми из России», кого Войско Донское принимало к себе с тем, чтобы они сделались впоследствии, по испытанию, — казаками. Оно принимало их для воли, как людей, искавших правды и свободной казачьей жизни.

Ефремовские крепостные приходили рабами, чтобы служить, своим новым господам, — атаману Ефремову и его сыну, чтобы работать на них и своим трудом обставлять Ефремовых блеском, какой повидали Ефремовы при Петербургском Дворе. Они оставались рабами.

За атаманом потянулись и другие старшины, стали добывать земель, селить на них крепостных, стали заводить роскошную жизнь на прежде столь суровом и простом Дону.

Так во второй четверти XVIII века появились на Дону крестьянские, преимущественно малороссийские слободы людей, получивших потом наименование иногородних.

Казаки относились к иногородним с враждою и презрением.

Вражда была от того, что иногородние поселенцы были на казачьих землях, которыми казаки только одни могли владеть и распорядиться. Презрение было потому, что вольные казаки, гордившиеся своею волею, добытою большою

кровью видели в них рабов, помещичьих крепостных, холопов, низкопоклонников.

Очень долго казаки не смешивались с иногородними. Не было браков между казаками и холопами. Станицы и хутора жили своей казачьей жизнью. И, когда на ярмарке ли, у мельницы ли, в пути встречались казаки с холопами — часто споры доходили до кровопролитных побойщ.

III.

«Особое служение» Донского войска. Как составлялся на службу Донской казачий полк. Обучение полка. Офицерский состав. Старые казаки. Односумы. Презрение к ранам и смерти. Песня-призыв к гордой защите родных краев.

От военной коллегии Донским казакам было предоставлено «особое служение».

В чем же состояло оно?

Когда объявлялся поход, или когда России были нужны казачьи полки для внутренней службы, за несколько месяцев до начала похода войсковому (наказному) атаману посылался указ Военной Коллегии о сборе определенного числа полков.

Состав Донского казачьего полка был: полковник — 1, есаулов (командиров сотен) — 5, сотников (младших офицеров) — 5, хорунжих — 5, квартирмейстер — 1, писарь (адъютант) — 1, казаков 483 — всего 501.

Атаман рассылал наряд по станицам, указывая, какие станицы должны составить какой полк.

Казаки должны были являться на службу со своими лошадьми, с седлом, при шашке, дротике (пике), с ружьем и, кому положено, — пистолетом. Они должны были быть одинаково, по форме, одеты.

До 1779 года жалованья никому от военной коллегии не полагалось, но отпускался месячный провиант и фураж — полковникам на 8 лошадей, старшинам (офицерам) на 3 и казакам на 2 лошади каждому.

Получив такой указ атаман выбирал из числа богатых и известных ему казаков полковых командиров и посылал их в станицы для сбора полка своего имени. В предписании командиру полка указывались станицы, из которых должны быть набраны казаки для службы; давались мундиры для образца и отпускалось сукно на весь состав полка. С полковниками посылались от Войска человек пятьдесят старых опытных, бывалых казаков ремесленников, седельные щепы для полиц, каранчевые луки, кожи и ремни — все необходимое для постройки седел тем казакам, у кого таковых не будет. Таких казаков бывало очень мало. В каждом курене, в каждой семье были седла, шашки и ружья. От отца, от деда, от прадеда.

Командиру полка указывался срок, обычно 4—6 месяцев, в который полк должен был быть собран и обучен.

Учить казаков было нечему. С малых лет казак на коне. Он с отцовскими конями в табуне. Двенадцати-летний мальчик владеет арканом, накидывая на указанную ему в табуне лошадь. Он — джигит: он зорек и слышит малейший шум. В степи и в лесу он без компаса, по солнцу и звездам, найдет дорогу. В хитрых вилюжинах лесом взрослых балок он не запутается. Он так хорошо стреляет из лука, что еще в начале XIX века казаки лук и стрелы предпочитали тяжелым, медленным заряжаемым и бьющим всего на триста шагов кремневым тогдашним ружьям. Он рубит так, что на станичных состязаниях живого барана на скаку пополам может перерубить. Тяжелый, четырехаршинный дротик играет в его руке, как тростинка. Лошадь слушается его голоса и понимает его; она — одно целое с казаком. Остается немного подучить его строем, сигналам, команде и дисциплине.

Печатных уставов не было. Командир полка писал «инструкции» полку на основании своего опыта. Он поучал казаков строевой и гарнизонной службе. Если командир полка был молод — бывали случаи, что и в 19 лет командовали полками — за него инструкцию составлял или писарь (адъютант) или ктонибудь из старших офицеров.

О командирах тогдашних полков в их списках найдем отметку «Российской грамоте читать и писать умеет». Редко чтонибудь больше. Но многие из них хорошо знали турецкий и татарский языки, а, когда начались походы в Западную Европу, войны с Польшей и Францией казачьи полковники знали польский, французский и немецкий языки.

Полковой командир выбирал казаков на офицерские должности и делал атаману представление о производстве их в офицеры. Это были или старые опытные, искушенные в походах и боях урядники, или сыновья богатых казаков, хорошо знающие грамоту, могущие своими средствами и положением в станице влиять на казаков. При таких моло-

дых офицерах всегда ставились старые опытные казаки — их «дядьки».

Разницы между казаком и офицером не было. Всякий казак мог дослужиться до офицерского чина. Храбрость, расторопность в бою, бодрость на походе, честность и воинская доблесть — были пути к офицерскому званию на плечо.

Не все офицеры умели читать карту, но все — и казаки и офицеры прекрасно разбирались на местности и умели толково доложить о виденном и замеченном в «партии» (разъезде) или на «пикетах» (сторожевых заставах).

Еще учили рассказом. Вернувшись с войны и похода урядники и старые казаки собирали по куреням, а на походе — у костров свои партии (взводы), и шел длинный и захватывающий рассказ о службе в бою. В рассказе этом пояснялось что такое «кордон», «авангард», «арьергард», что значит «стоять на позиции», что такое пехотное «каре» и как его атаковать. Рассказывали о начальниках русских и своих казачьих, о турецких пашах, о «лютом короле» Пруссом Фридрихе и его бессмертной копнице; о том, как нужно брать города; как разведывать и сторожить.

— Ты так, брат, иди, чтобы ты все видел, а тебя, чтобы никто заприметить не мог.

Покажет ночью офицер или урядник на звездное небо, на опрокинутый «котел» Большой Медведицы, ткнет пальцем в седьмую звезду и скажет:

— Вон там север... Понял... А ишшо, как определишь иде он?..

Запянаясь станет рассказывать молодой казак, как по древесной коре, по листве, по замшелым камням можно узнать, где север.

— Ну, а ишшо, как?.. А ишшо? — подбадривает казака урядник.

— В селение к примеру вошел, там чего?.. Ну церкву увидал... Олтарь ее иде будет?..

— На восход...

— Вот тебе и север нашел; стань лицом на восход об левую руку тебе и будет север.

Так с «дома» и на походе готовился казак-разведчик, удивлявший потом иностранных офицеров умением опознаваться на всякой местности.

В поход казак выступал «о дву-конь». Одна лошадь под седлом, другая под вьюком с домашними припасами. Так и в сотне казаки разбивались по своим сумам. Сродичи, родные братья, однохуторяне — становились, как и в старину то было односумами. Казаки с одних мест составляли одну партию (взвод). Сотня собиралась из казаков одной станицы. Все знали друг друга. Каждый шеголял перед другим своею храбростью, каждый стыдился перед другим выказать робость.

— Ить расскажет в станице... Девки засмеют... Оборони Бог! Срамота то какая!..

Умирающий на поле брани казак звал своего односума и говорил ему:

— Расскажи, брат там... Дома... Как меня убили.

Соберет перед боем свою партию старый урядник, или офицер и скажет:

— Смерти не бойсь. От нея не уйдешь. Ранят — эка, подумаешь, недаль... Не больше, как зубная боль будет.

— Убьют. Так ты и сам того не узнаешь.

Велика была мудрость тех слов.

Помолчат... И красивая бодро печальная песня начнется и завьется над костром. Говорит она о высоком, не земном, зовет на подвиг, стыдит робких, требует храбрости, манит к славе казачьей.

На усть, было, батюшки тиха Дона
Не черные вороны в стаю слетались,
Собирались, съезжались в круг Донские казаки;
Среди Круга стоит золотой Царский бунчук,
Под бунчуком стоит стулечко распущенное,
На стуле сидит войсковой наш атаман,
Не золотая то трубочка вострубила
И не серебряная речь возговорит:
— «Вы други, мои други, вы Донские казаки!..
Вы послушайте, мои други, что я буду говорить:
Хвалится, похваляется Закубанский Большой Хан,
Он хвалится, похваляется, на Тихий Дон побывать
И батюшку славный Дон паскрозь пройтить,
А матушку широку Волгу, в обретки перебрести,
Янк-то славный город он шапками заметать...
Неужто у нас не стало на тихом Дону казаков?..
Неужто они не станут за отцов своих, матерей?..
Неужто не станут за жен своих, за детей?..

П. Краснов.

(Продолжение следует.)

ГЕТМАН

Повесть

Окончание

Отряд вернулся с разведки только на другой день после обеда. Усталые, запыленные, но веселые люди ехали бодро, с песнями, и везли богатую добычу: целую тачанку, нагруженную винтовками, патронами, седлами, холодным оружием. В поводу вели шесть голодных, отощавших, но хороших, розлых лошадей. Голобородько ехал впереди, рядом с ним — Мальчиковский. Они весело переговаривались, перебирая эпизоды своего самовольного рейда.

Отряд, действительно, ездил к Аргамачкому, надеясь какнибудь ввязаться в кипевшее там дело. Но они опоздали. К их приезду все было кончено, красивые кавалеристы, больно побитые, ушли, оставив в поле убитых и много военного снаряжения, в том числе совершенно исправный пулемет, который торжественно везли на тачанке в качестве главного трофея.

Проезжая мимо дома Бондаревых, Володька кивнул младшему приятелю — Митюшке, стоявшему у ворот и с плохо выделанным равнодушным глывевшему на вседников.

— На свадьбу придешь, начальник? — спросил он Антона Васильевича.

— На какую свадьбу?

— На мою.

— А кого сватаешь? — спросил Антон Васильевич, напряженно улыбаясь. — Он уже догадался, кто невеста.

— Райку Бондареву.

— Приду.

Светлый осенний день как то потемнел для Голобородько. Но он ни за что не признался бы в этой глупости отцу родному, а при Володьке Мальчиковском и тени подозрения нельзя было подать. Он сделал усилие и продолжал разговор в прежнем тоне.

Следующий удар Голобородько получил от первого же человека, заговорившего с ним еще по пути в полицию. История с Семеркой страшно поразила его. Он хотел кого-то обругать, но виноватого не было, — хуже: виноват был он сам. Скрепя сердце, он пошел к коменданту, доложил о своей поездке — доклад прозвучал совсем не так, как он представлял себе по пути — и выслушал приказание сесть на три дня под арест с исполнением служебных обязанностей. Выйдя из комендатуры, он принялся за расследование вчерашней беды.

Два слова, которые Райка сказала Семерке, раздули в целый разговор; Райке пришлось явиться к начальнику полиции для дачи показаний.

Она пришла, напуганная всем тем, что ей пришлось пережить за последние сутки. Ей самой уже казалось, что она совершила какое то преступление, и она стояла перед осунувшимся почерневшим Голобородько (он так и не ел ничего) бледная, с трясущимися губами.

Он, хмурясь и не глядя на нее, задавал необходимые вопросы. Она путалась и плела нескладницу, в наивном убеждении, что начальству всегда лучше наврать. Голобородько, выйдя из терпения, повысил голос. Райка вадрогнула и заплакала. Бестолковые мысли кружились в ее голове. Она знала, что ни в чем не виновата — и боялась, боялась до потери разсудка, готова была любой ценой откинуться от этого страшного, незнакомого человека. А это был ведь Голобородько, которым подруги ее дразнили. От острых девичьих глаз не ушло то, что он к ней неравнодушен. «Твой старик», говорили ей. А теперь она в его власти. А может, все таки, — он в ее власти?

Дикая, соблазнительная мысль овладела ей. Она, продолжая всхлипывать, сквозь пальцы взглянула на Антона Васильевича. Он сидел нахмуренный и смотрел в окно, не зная, что же дальше делать. Райка тихонько открыла лицо. Сделала шаг к Голобородько. Он поднял глаза на нее.

— Отпустите меня Антон Васильевич, — сказала она, — ей-Богу-же, ничего я такого не сделала. А то приходите попозже — я выйду, все вам расскажу...

Антон Васильевич, не веря глазам и ушам, смотрел на нее. Она, точно поясняя смысл своих слов, улыбулась жалкой, потерянной улыбкой. Кровь кинулась в голову Голобородько. Отвращение, усталость, досада на себя, злоба на упущенного зверя, страшное искушение — все связалось в дьявольский узел. Он вскочил на ноги и несколько секунд стоял перед ней, покачиваясь. Потом размахнулся и сильно ударил ее по лицу.

— Пошла вон, сука, — прошептал он, потеряв голос.

Райка глотала воздух не в силах двинуться. Наконец, опомнилась и, споткнувшись о порог, выбежала из хаты.

Голобородько отправился в комендатуру и «сел под арест». Через полчаса полицейские принесли ему вина. Еще через час он спал на полу, мертвецки пьяный.

В это время я паткнулась на улице на Райку, безцельно бродившую по селу. Меня поразила ее странный вид. Я увела девушку к себе. Она долго молчала и только тряслась. Наконец, начала плакать и все рассказала. Ее огнем жгла мысль о Володьке, которого она начисто забыла во время сцены с Голобородько. Теперь она твердила:

— Не простит он, не простит, я-же знаю, не простит.

Простить такое, действительно, было бы трудно. Оставалось — молчать, скрыть все. Райка боялась, что Антон Васильевич расскажет ее жениху всю эту скверную историю. Я подумала и сказала решительно:

— Не расскажет, я его знаю. Ты только молчи.

Райка започевала у меня и ушла утром, успокоенная. Мальчиковский никогда ничего не узнал.

IV. В поход.

Проходили дни и недели, полные мелких дел. Отстроили три года тому назад развалившийся мост через Куму. Нашли материалы, подрядчика, артель и принялись возводить давно снесенную той же Кумой плотину, необходимую для орошения садов и виноградников прикумской равнины. У въездов в село появились желтые щиты с элегантными готическими надписями, извещающими по-немецки о том, что это — село Просторное и что расстояние от него туда-то — столько-то километров. Крестьяне, сначала заминавшиеся, как лошадь в непривычной упряжи, взялись за работы; много помогли отпущенные военнопленные. В общем, все было сделано, и к началу ноября, по старинному обычаю, управившись с хозяйством, народ начал играть свадьбы.

Свадьба Рай и Мальчиковского была в первое воскресенье ноября. Она наделала много шума: ведь женился помощник начальника полиции, одно из первых лиц на селе. Да и невеста была из видной семьи. Старики вспомнили все старые обычаи, а молодежь путаясь, весело исполняла их. Невеста облеклась в белое платье, в тюлевую фату с огромными стружечными цветами на голове и страшно подурнела. У жениха и дружек такие же букеты были на груди, у Володькиной сестренки, служившей ему почтальоном, цветы были приколоты к туго повязанному головному платку и торчали на круглой головке, как роза в насхальном куличе. Мобилизовали лучших лошадей, и тачанки, украшенные цветами и лентами, с громом свезли свадебный поезд в церковь, где дрихлый батюшка, со слезами счастья на глазах, венчал, причащал и крестил, насколько хватало его силенок.

Потом был пир в доме невесты. Молодых осыпали на пороге овсом и усадили за стол. Они сидели неподвижно, изредка переговариваясь и потрогивая в страшном изобилии наготовленные яства. Староста первый, за ним все старики поочередно поздравляли их, желая счастья, долгой семейной жизни, хороших детей. Каждый прибавлял: «Старших почитайте, чтобы и вас дети ваши слушали».

Комендант и очень многие немцы были на свадьбе, с сочувственным любопытством приглядываясь и изредка щелкая фотоаппаратами. Райкина бабушка, очень довольная благополучным исходом романа внучки (она знала ее шальную натуру и побаивалась за нее), гордая тем, что полсела гуляло на свадьбе в ее доме, что несколько немецких офицеров сидело за ее столом, разошлась, выпила немало вина и вонючей араки и принялась плясать, припевая. Я перевела коменданту ее очень забавные, но и очень соленые песенки. Она это заметила и, под громовой хохот присутствующих, стала подбирать словечки еще круче, еще крепче, поясняя текст жестами. Переводить стало невозможно.

Оживленная, раздумывавшаяся Надька протолкалась ко мне через толпу, наступив коменданту на ногу и не заметив этого

— Анна Федоровна, я к вам завтра в волость приду.

— Зачем?

— В Германию записываться! Ведь вы пропуска даете?

— Ну, я только тебе не дам.

— Почему? — она сделала печальное лицо. — Мне так охота, так охота! Я еду, еще Наташка, еще Галька.

Все это были тринадцати-четырнадцатилетние девочки. Я объяснила Надьке, что из наших дальних сел набора на работу в Германию нет по чрезвычайной сложности путеше-

ствня. Отдельные лица, получившие от нас пропуска, направлялись сначала в Киев.

— Ну, и мы поедem в Киев. Правда, Анна Федоровна, поедem!

— А что бабушка говорит?

— Бабушка? Бабушка ничего, она говорит — можно.

Я засмеялась.

— Ой, врешь, Надька!

Она тоже засмеялась и вдруг закричала:

— Ой, смотрите, немец плясать пошел!

Рыжий красавец-фельдфебель выскочил из за стола и пошел плясать с бабушкой, подражая ее движениям. Она, ничуть не смутившись, павой поплыла от него, улыбаясь и делая томные глаза, потом живо обернулась, положила руки ему на плечи — ему пришлось обнять даму за талию, — закружилась и неожиданно поцеловала его в щеку звучным поцелуем. Он в преувеличенном ужасе бежал от нее, опрокидывая стулья. Старуха, расставив руки — точь в точь ведьма из «Вия» — шла за ним.

В уголку старик-дед Мальчиковского рассказывал ласковым, высоким голосом свои походы, мировую войну. Звучные слова — Эрзерум, Ризе, Трапезунд — доносились ко мне сквозь гам и шум, вызывая мгновенные видения красных базальтовых скал, каймы пышных садов у подножья снеговых гор, прибоя черноморских волн о каменные набережные маленьких экзотических городков, бронзовых лиц, миндалевидных глаз... Гармоника в руках совершенно рябого Васьки — гармониста закатывалась, тяжкий дух вина и араки, махорки и немецких сигарет, бараньего сала и блинов стоял в воздухе.

— Чокнемся, Федоровна, — сказал мне через стол Голобородько.

Он, развалившись, сидел рядом с некрасивой женщиной в нарядном платье, без косынки на гладко зачесанных волосах. Она держала пальцами кружевной платок, почти ничего не пила и не ела и не разжимала губ. Это была его жена.

— Чокнемся, Антон Васильевич. За что?

— За волю — за силу — за победу! — торжественно и раздельно сказал он.

Говорил ли он о себе или об общем деле? Не знаю. Но на мгновение мне стало тихо в этой шумящей толпе.

— Я думаю, нам теперь лучше уйти, — сказал комендант.

Он еще раз поздравил молодых и ушел вместе со своими. Без них пир стал еще шумнее. Всей свадьбой перешли через несколько улиц в дом жениха, пили, пели, плясали, орали и угомонились только перед светом. Никто не заметил как исчезли новобрачные: этого старого обычая, проводов молодых в спальню, соблюсти не пришлось. Зато сорочку невесты возили на другой день по селу, чему несказанно изумлялись наши немцы.

Так прошел ноябрь, в свадьбах, весельи и мирном строительстве. А в декабре наши милые танкисты от нас ушли. Другая часть заняла их прежние квартиры. Выпадал и снова таял снег, на улицах стало грязно — зима наступала мягкая, сиротская зима. Партизан не было слышно. Зато ползли откуда то неясные, но жуткие слухи. Нарастало ожидание событий.

Голобородько, тяжело переживший октябрьскую историю, усиленно занимался со своими полицейскими. Кавалерийские учения, служебные наряды, уход за лошадьми заполняли все их время. Часто слышна была пулеметная стрельба, отдельные револьверные и ружейные выстрелы щелкали в тишине поздней осени: это упражнялся отряд Антона Васильевича. Из трофеев, из давно запрятанного оружия собрали очень полное и даже красивое снаряжение отряда, когда то начинавшего с четырьмя разбитыми на ноги лошадьми и двумя ржавыми наганами. Знаменитый «максим» остался в распоряжении начальника полиции с разрешения прежнего и с ведома нового коменданта. И служебная сторона нашей полиции подтянулась. Разведки, патрули, — все исполнялось точно, без романтической отсебятины. Так, однажды разезд полиции задержал машину нового коменданта и потребовал предъявить документы, чем очень обрадовал сухого, педантичного офицера.

Да, теперь это была боеспособная единица, годная в умелых руках на настоящее дело.

На Рождество подморозило, легкий снежок лег на крыши, на подоконники, протянулся вдоль чернеющих колея на разъезженных дорогах, подчеркнул все горизонтальные линии и плоскости. Побелевшая степь точно поднялась в один уровень с нагорной частью села. Отряд Голобородько проехался по улицам в парадном строю, с двумя широко развернутыми знаменами: германским, алым со свастикой, и русским трехцветным. Антон Васильевич, с саблей наголо, в черной кавказской бурке, по казачьи сидя на очень красивом гнедом коне, вел отряд. Остальные всадники, по четыре в ряд, ехали за ним. В мягком воздухе, равномерно освещен-

ные со всех сторон рассеянным от снега светом, величаво плыли знамена, колыхаясь, разворачиваясь и струясь.

На другой день вечером я была у Антона Васильевича. Он пригласил меня мирно посидеть праздничный вечерок. Но вышло иначе. Еще здороваясь и отчищая с ног лишнюю грязь у порога, я увидела, что что-то случилось. Хозяйка, принаряженная, была заплакана, а у Антона Васильевича лицо было опять такое, как тогда, в октябре.

В хате вкусно пахло свежим хлебом. Стол был накрыт, горела лампа, все было прибрано — меня ждали. Да жена Антона Васильевича и всегда отличалась опрятностью. Подушки в белых наволоках с кружевными прошивками, марлевые занавески перед печкой, вышитое полотенце на большом фольговом образе, скатерть на столе, недавно мазаный пол, стекла в маленьких окнах, — все блестело чистотой.

— В чем дело, Антон Васильевич? — спросила я.

Он взял со стола бумагу.

— Вот, читайте.

Это был приказ об эвакуации села. Я читала его, и перед глазами у меня вставали картины нашей совместной работы с новой властью: школа... церковь... мост... сады полелили и начали обрабатывать... плотина уже заложена, к марту была бы готова... подготовительные работы к разделу колхозов — как люди радовались!.. И все это теперь пропадет. О, бедный, край, бедный народ!

— Что скажете, Федоровна?

Я вздрогнула.

— Что скажу? Приказ есть приказ. Раз велено, значит, приходится исполнять. Вы когда получили бумагу? У старосты и коменданта еще ничего неизвестно.

— Только с полчаса нарочный из Просторного привез. Вот она и плачет, — кивнул он на жену, — жаль с бараклом расставаться.

Хозяйка закрыла лицо руками и залилась слезами. Я оглядела хату. Да, все нажито своими руками — и с каким трудом! Сибирь, ссылка, разлука с мужем — и снова все рушится, куда идти? С чем идти? Женщина всхлипывала.

— А вы как, Федоровна?

— То-есть, как это: как я?

— Ну, да: остаетесь или уходите?

Он зорко смотрел на меня. Я улыбнулась.

— Вы разве не знаете, Антон Васильевич? Я вроде вас — одну карту потянула и держу ее крепко. Только мне, конечно, за пулеметом лежать не придется, как Мальчиковский недавно говорил: годы не те, да и не женское дело. А уходить — хоть пешком пойду, пока силы хватит.

Он шумно вздохнул.

— Ну и ладно. Прости меня, Федоровна, что я усумнился.

Следующие три дня были полны кипучей и грустной деятельности. Процесс кристаллизации страшно ускорился. Поднимались уезжать такие люди, от которых меньше всего можно было ожидать этого — и оставались тоже не те, о ком думали. Через село потянулись первые обозы из Борисовки. из Ак-Булата, брызгали оттаявшей грязью военные машины и тащились беженские подводы. Солдаты уходили с досадой, неохотно расставаясь с обжитыми квартирами и не ощущая давления со стороны врага. Но фронт сокращался и передвигался на запад, и наше далеко выдвинутое южное крыло армии оттягивалось первым.

Старуха Бондарева выражала сразу троих: Райку, уезжавшую с мужем, ее отца, гнавшего скот, и Митюшку: он умолил Голобородько взять его с собой. Надьке пришлось остаться с бабушкой. Отряд полиции должен был уходить последним, семьи их выезжали сутками раньше.

Я ехала на тачанке со старостой. Две его подводы были уже тяжело нагружены и стояли во дворе, увязанные, запряженные невидимыми, но крепкими калмыцкими лошадками. Старушка — жена старосты ходила вокруг подвод, подтыкая брезент. Она тоже уезжала. Лицо ее было совершенно спокойно, хотя она бросала здесь всю свою жизнь.

Голобородько заехал верхом во двор, спрыгнул с коня и зашел в хату прощаться.

— Кто с вами кучерами едет, — спросил он.

Староста назвал троих кучеров. Один из них был Свиридов. Он сидел тут-же, пришивая к куртке оторванную пуговицу.

— Что ж ты, Просторновскому райвоенкомату являться не хочешь? — спросил его Голобородько. — Скоро ведь опять появится.

Свиридов махнул рукой.

— Нет уж, я от них лучше подальше. Мне на Украине место найдется.

— Ну, Алексей Семенович, с Богом, езжайте. А мы после вас скоро тропемся.

— У вас есть направление куданибудь, Антон Васильевич? — спросила я.

Великое событие

Поздравляю родных казаков с великим и радостным событием осуществления святой казачьей национальной идеи, долго в казачьих душах лелеемой и кровью казачьей запечатленной.

Для претворения, с нашей стороны, этой идеи в жизнь в то время когда доблестный Германский народ и Казачество продолжают борьбу против большевизма, начатую ими совместно еще в 1918 году, когда политические и социальные идеалы немцев и казаков тождественны и требуют гармонического сочетания; когда казачий вопрос в принципе разрешен и Казачество принято под покровительство Вождем Новой Европы Адольфом Гитлером и его Армии, с которой мы ныне спаяны единой кровью на полях сражений,

Все казакам надлежит:

Всякие споры и пререкания прекратить, ибо они теперь бесплодны: казачий вопрос ясен.

Слиться в единую, монолитную, братскую казачью семью.

Каждому казаку на всех путях военного и гражданско-

го сотрудничества всеми силами и средствами помогать властям, поставленным Фюрером.

Кто бы ни был утвержден немецкими властями Верховным Атаманом Казачества, от какой либо критики воздержаться и всячески способствовать организации казачьих сил.

Вести борьбу против жидо-коммунизма не только на фронте, но и в тылу, способствуя властям в подавлении коммунистических сообществ.

Казакам, не состоящим в Армии, вести пропаганду за идеалы Нового Порядка в Европе.

Тем казакам, у которых еще не застыла кровь казачья, быть каждую минуту готовыми стать на святое место — в строй.

Стонет казачья земля! Стонет на ней распятая казачка — мать! Снимем же ее, родную, общими братскими усилиями с креста!

Генерал И. Коноводов

Казак Гундоровской станицы

Всевеликого Войска Донского

Казачий привет с финского фронта

Я, Фисенко Василий Ермолаевич, родившийся в 1920 г. на Кубани, казак. По причине преследования сов. властью родителей, мое детство прошло в скитаниях из одного горского аула в другой, где у меня с особенной страстью развилась любовь к родной Кубани, к нашему многострадальному Казачеству.

Не имея средств окончить последний курс художественного техникума, я поступил учителем в городскую школу.

Попав в Красную армию, я определенно понял, что это за «почетный долг», понял, чьи интересы она защищает. Особенным толчком к воспламенению моей молодой казачьей души послужил такой случай. Наша колонна шла через одну деревню. Все были голодны и измучены. Я, воспользовавшись своей некоторой «свободой» командира, отошел от колонны и попросил у одной крестьянки кусок хлеба. «Нет!» — злостно ответила она мне. «За кого воюете и кого защищаете, у того и просите!...», добавила она, отвернувшись и ушла.

Я твердо решил, что мое место не здесь, не в рядах врагов Казачества. Весной 1942 года я с группой своих бойцов навсегда освободился от кровавых сталинских лап. Как казак душой и телом, я не успокоился этим, но решил действовать на пользу и благо своего народа, решил стать на открытый путь борьбы против большевизма. Финское командование пошло мне навстречу и я через 10—15 дней после своего перехода уже сменил потрепанную красноармейскую форму на финский военный мундир.

И вот я уже полтора года нахожусь на передовой линии. Доверие финского командования и имя и честь казака я полностью оправдал, чем, не скрываю, я и горжусь. Жизнью и обращением к себе я очень доволен и бла-

годарен, но меня гнетет одно, что чувствую себя оторванным от своей родной казачьей Земли.

Слушая радио и читая газеты, я часто слышу и читаю радостные известия о действиях своих братьев казаков, борющихся против большевиков. Эти известия возбуждают в моей душе еще большее желание бороться и ничуть не отставать от других.

Из нашей казачьей, свободной печати я много узнал о жизни нашего казачьего народа, прочел много поучительных и разъяснительных статей, много узнал о прошлом нашего казачества, о жизни своих братьев казаков в Германии и в Европе вообще.

В. Фисенко

РОЗЫСКИ

Мацко Федор Васильевич разыскивает родного брата Григория, рождения 1916 г. Фельдпост 48871 В.

Казак **Лиманцев Евгений Петрович** разыскивает брата **Николая**, рождения 1924 г., и Федора Константиновича **Попова**, б. атамана Кривянской станицы. Фельдпост 48742 А.

Стефан Медведев станицы Милютинской Донского Войска разыскивает брата, родственников и станичников Н. Ананьева, В. Залатовского, П. Авдеенко. Фельдпост 48871.

Сибирский казак Изотов Ефим Александрович просит братьев, родственников и знакомых откликнуться. Фельдпост 48871.

Бородин Семен Григорьевич, станицы Ново-Павловской Терской Области просит откликнуться братьев Андрея, рожд. 1909 г., и Петра, рожд. 1912 г. и П. П. Журовко, З. И. Сухина и Н. Баранника. Фельдпост 48871.

Даниленко Стефан Львович ст. Васюринской, Кубанской области разыскивает своих братьев Гавриила, Александра и Федора Львовичей. Писать: Gefr. Stefan Danilenko F. P. № 48472 С.

Два рода казаков

Фельетон

Гарри Пайк был корреспондентом крупной нью-йоркской газеты и стопроцентным американцем. Он никогда ничему не удивлялся.

Однажды мистера Пайка вызвали к главному редактору.

— Вам поручается чертовски ответственная работа, Гарри, — сказал толстый Айзикзон, попыхивая сигарой. Надо дать серию очерков о нашем доблестном восточном союзнике, холера ему в бок. Вам придется уложить чемодан и проехаться в эту самую Россию, чтоб она так жила.

— Олень Райт! — невозмутимо ответил мистер Пайк.

— О гонораре не беспокойтесь. Давайте только погорячее. Вы слыхали про казаков?

— Они чуть не забили плеткой моего папашу в девятьсот пятом году в России. На казаках можно иметь дело. Нью-Йоркцы с ума сходят от казаков. Напишите о их жизни, о их геройстве и тому подобное.

Гарри Пайк надел непромокаемое пальто, роговые очки, сунул в карман томик популярной энциклопедии на букву «К» и сел на самолет.

В энциклопедическом словаре пространно описывалось, что «казаки богато живут к прекрасных многолюдных станицах». Но, повидимому, сведения словаря сильно устарели. Станица, куда попал мистер Пайк, была совершенно пуста и безлюдна. Большинство домов были полуразрушены.

— А где же храбрые казаки? — полюбопытствовал Гарри, — и где их прекрасные жены и резвые дети?

— Там, — неопределенно махнул рукою сопровождавший Пайка советский джентльмен с бегающими мышинными глазками, — ушли.

— Олень Райт! — сообразил корреспондент, — они вместе с женами и детьми ушли защищать свою любимую социалистическую родину.

— А это что? — спросил он, увидев на площади большую виселицу и на ней десятка два болтавшихся стариков и старух.

— А это те, которые... не в силах были уйти.

— Олень Райт! — кивнул головою ничему не удивлявшийся мистер Пайк.

— Вероятно те казаки, решил он, которые ввиду преклонного возраста не смогли с оружием в руках умереть за любимого батюшку Сталина, решили коллективно покончить жизнь самоубийством на площади родной станицы.

На фронте казаков мистери Пайку долго не удавалось встретить. Всякий раз, когда он заводил речь о казаках, сопровождавшие его советские джентельмены торопливо начинали угощать Гарри отличной русской водкой и прекрасной русской икрой.

Но настойчивость все преодолевает. И вот мистер Пайк очутился на параде казачьей части. Казаки умилили невозмутимого корреспондента. Ножа во рту они, правда, не держали, и самоваров вблизи их не было, но они радовали взор сверкающими алыми башлыками, черкеска-

ми, пиками, лампасами, чубами. Сидели они в седле, правда, похуже американских ковбоев, но мистер Пайк был сыном века авто и слабо разбирался в кавалерийских тонкостях. Немного странным показалось Пайку, что носы у многих казаков были длинные и крючкова-тые.

— Казак станицы Бердичевской товарищ Рабинович сейчас исполнит высший класс джигитовки, — закричал командир.

Смуглый крючконосый казак, размахивая пашкой, понесся вперед, но вдруг круто повернул лошадь и дико закричал — «казаки!»

— Казаки! — вдруг завопили все участники парада и в беспорядке, срывая с себя папахи и башлыки, устремились врассыпную кто куда.

С запада, размахивая пашками, быстро неслись бесконечные ряды других казаков — в черкесках. Но даже неопытный взгляд мистера Пайка безошибочно определил, что эти, новые, сидели на конях, пожалуй, лучше, чем американские ковбои.

— Что за интересная вещь джигитовка! — восхищенно воскликнул Гарри. Но в этот момент сопровождавший его джентльмен с мышинными глазами грубо впахнул корреспондента в машину и истерично закричал шоферу: гони!

— В чем дело? — начал было мистер Пайк.

— Дело в том, что надо удирать. Это вам не наша советская шваль, а настоящие казаки!

Тут мистери Пайку пришлось удивляться в первый раз в своей жизни.

АСПИД

Веселая минута

Н а ш и д е д ы

Читая воспоминания французского эмигранта графа Рошешуара, служившего при Императоре Александре I на русской военной службе, мне — сыну донской казачки — (было чрезвычайно лестно и интересно встречать на каждой странице самые восторженные похвалы иностранца казачьей доблести, уму, сметливости и казачьей товарищеской верности в трудную минуту в бою. Думается мне, что с удовольствием прочтет и вспомнит каждый казак о своих предках, отцах и дедах, прославивших казачье имя по всем краям земли.

И я уверен — каждое казачье сердце быстрее забьется от возникшего в нем горделивого чувства, не посрамить боевой исконной казачьей доблести и славы и в этих боях наших дней «за вольность, честь и мир», как сказал Пушкин, теперь уже Новой Европы, угрожаемой гибелью от большевизма.

Наступает 1812-й год. Гр. Рошешуар состоит адъютантом своего дяди герцога Ришелье и затем самого Имп. Александра I, но просится в строй, в действующую армию. Между югом и севером России — Наполеоновская армия, и связь затруднена. Юг ничего не знает даже о взятии Москвы, об отступлении Наполеона, о состоянии его армии. Часть, при которой служит Рошешуар, находится у реки Березины — на другом берегу, через мост — город Борисов. Рошешуар поедет в Борисове, обедает у одесских знакомых. В этот день обед у жены интенданта Рахманова. Во время обеда раздается крик: «Французы! Французы!...» Хозяйка вскакивает из-за стола и хочет немедленно перейти мост через Березину и ехать в Минск. Рошешуар настаивает, чтобы ему дали чашку кофе. «Приезжайте пить кофе завтра в Минск» — отвечает ему хозяйка. Паника охватывает весь корпус: все бегут через мост. Мост обстреливается, есть раненые и убитые. Рошешуар видит жену генерала Ламбер, генерал ранен, его жена обращается к солдатам: «Ребята, неужели вы покинете раненого генерала?» Солдаты берут генерала Ламбер на руки, встречные четыре конных гусара пробивают им дорогу. Адмирал Чичагов бросает со всеми офицерами обед и одновременно с Рошешуаром пробивается через запруженный толпой мост. — Через полчаса все кончается. Выясняется, что всего пятьдесят французских стрелков из дивизиона генерала Легран под влиянием большой дозы водки набросились на русский авангард и своей безумной отвагой создали панику. Но прежде чем продолжать это историческое описание, — пишет Рошешуар, — я скажу о моем личном положении в эти минуты, крайне неприятном. Когда адмирал Чичагов перешел мост, опасаясь, что он видит перед собою большую французскую армию, силы которой он не знает, он сломал мост в двух местах. Итак сообщения с другим берегом не было. До самого вечера я не имел никаких новостей об моих людях и в этот момент, когда я совсем отчаялся когда-нибудь увидеть то, что мне принадлежало, мой вестовой казак предстал передо мной. Он мне принес неоценимую в этот момент — мою шинель и кроме того он держал под узды мою оседланную лошадь. Этот молодец мне сказал, что во время первой тревоги он побегал за лошадыю. Другие мои люди в это время ели суп и хотя он объяснил им, что нужно запрягать и спасаться — ему не хотели верить. Тогда он схватил мою шинель, лежавшую в пролетке, оседлал лошадь и галопом помчался к мосту, но было уже поздно — мост был сломан. Но казак не останавливается перед такими затруднениями, потому что казаки самые сообразительные люди, каких мож-

но встретить. И мой казак сказал себе: «Так как здесь нет переправы, нужно переправиться в другом месте». Он спустился вниз по реке на 4 версты и нашел брод, а затем старался узнать, где я могу быть. Я обнял его, так я был восхищен его преданностью мне. С моей драгоценной шинелью я мог пойти спать на бивуак адъютантов графа Ланжерона. На другой день 24-го ноября на рассвете появился мой денщик, бросившийся к моим ногам с просьбой простить его. Все мое имущество оказалось в руках французов.

В 1813 году Рошешуар состоит в качестве адъютанта при Александре I-ом. Под датой 16-го октября 1813-го года записано: — Государь находится в 2 часа пополудни в центре своей армии, который подвергается серьезному обстрелу. Он прибывает туда со всем своим штабом. В момент, когда отчаянными усилиями французской кавалерии удается сделать прорыв, могущий скомпрометировать положение нашей армии, Государь едет во главе лейб-гвардии казачьего полка, который ему обычно служит эскортом. Государь дает приказ Орлову-Денисову, командующему л. г. казачьим полком ликвидировать прорыв. Приказ отважно и успешно исполняется — это дает время дивизиону русских кирасир, стоявшему на расстоянии в одну версту, помочь казакам и разделить с ним победу. Был момент, когда Император Александр I находился в десяти шагах от эскадрона, атакующих французских кирасир. Под датой 18 октября 1813-го года записано: — Русский Император, Прусский Король и Принц Шварценберг расположили свои штабы почти в центре, но ближе к левому, чем к правому флангу союзной армии, опирающейся на высоту Пробштейда. К 2 часам пополудни 1200 пушек стреляли непрерывно. Все в новых и новых местах подвергался обстрелу наш правый фланг, занятый армией генерала Беннигсена. Хотели знать, что происходит в той стороне фронта и почему оттуда нет донесений. Император позвал меня и сказал: «Рошешуар, отправляйтесь на наш крайний правый фланг, посмотрите что там происходит и что вы встретите по пути. Добейтесь личного разговора с генералом Беннигсеном, хорошо обо всем распросите и, не теряя времени, возвращайтесь и дайте мне отчет во всем, что вы видели и слышали. Возьмите двух лейб-казаков с собою. Я рассчитываю на точность ваших сведений». И я поехал крупной рысью. Огонь наших пушек был единственным проводником и я не имел возможности ориентироваться ни на что другое, так как деревни или были объаты пламенем, или занимались поочередно то одной, то другой воюющей стороной. Противники или оборонялись, или вновь отбивали один у другого то, что было взято несколько минут тому назад. Мой путь был полон опасностей, нужно было ехать самой ближайшей дорогой и избегать объездов, которые заводили меня чересчур далеко. Я находился все время под обстрелом артиллерии противника, свист пуль непрерывно раздавался у меня в ушах. Один момент я считал себя погибшим. Используя временное прекращение артиллерийского огня, когда наступило прояснение обстановки, я пускал лошадь галопом, чтобы проскочить, но передо мною была масса сражающейся пехоты и крики смятения. Я на короткое время остановился и уже думал броситься во весь опор вправо, как вдруг один из моих казаков вестовых, вид которого поразил меня своей сосредоточенностью и изумительным хладнокровием, обратился ко мне со словами: «Посмотрите они несут архиерейский посох с крестом — эти люди сда-

лись». Успокоенный этим замечанием, оказавшимся верным, я приблизился и действительно увидел полк баденских солдат, который в полном составе переходил на нашу сторону и смешивался с нашими частями, входившими в состав корпуса генерала Беннигсена — того именно, кого я искал. Я устремился к генералу, он оказался занятым разговором с полковником баденского полка. За баденцами шли вюртембергцы — кавалеристы и пехота, заявившие, что саксонская армия следует их примеру. Я получил от Беннигсена все нужные мне сведения, и он мне сказал, что состояние немецких войск, находящихся в армии Наполеона, какое я кругом вижу, дает ему возможность смело идти вперед. Едва он успел это сказать, как к нему приводят казака, посланного генералом Ланжероном, с донесением, что вся армия Шведского принца вступила в бой и устанавливает с Беннигсеном связь. Эта новость показалась мне столь важною, что я вместе с этим казаком и двумя моими устремился к месту, где все это произошло. Я проехал несколько верст и очутился среди шведского корпуса, нашел офицеров и принца в деревне Штунц, как мне припоминается. Затем, я вернулся насколько было возможно быстрее к Императору Александру I, которого нашел там же, где он был во время отъезда.

Прежде всего я рассказал о событии с германскими войсками потом я сказал: «Государь, я привез хорошие вести о Шведской армии, она вся вступила в бой — левое крыло ее граничит с корпусом Атамана Платова, а правое доходит до предместий Лейпцига». — «Правда?», — воскликнул Император: «и вы в этом уверены?» — «Государь, я лично убедился в этом, я говорил со шведскими офицерами». Сейчас же Рошешуар был послан вновь. Он должен был сопровождать брата Государя Великого Князя Константина, отправлявшегося в Шведскую армию. Вернувшись оттуда к Императору Александру I, Рошешуар так описывает последующие события: «Исполнив два поручения Императора и, проехав 40 верст, я был сильно утомлен и ничего не пил и не ел, но когда я доложил о том, что проводил Вел. Кн. Константина в район Шведской армии, Государь Император мне сказал: «Возьмите лошадь из моей свиты и двух других казаков и отправляйтесь к Атаману Платову и скажите ему, что неприятель отступает на всех пунктах и пусть Атаман несется со всеми своими казаками и конной артиллерией к дороге на Витемберг, Лейпциг, Дюбен на р. Мюльде для того, чтобы отрезать всякую возможность отступления врага в этом направлении. Но так как Атаман Платов состоит в распоряжении генерала Беннигсена, нужно бы предупредить Беннигсена о моем приказании, от исполнения которого я жду очень многого. Вы уже знаете, где помещаются эти корпуса и лучше кого-либо другого сможете выполнить мое поручение. Вы найдете меня в Розта, где я рассчитываю переночевать».

Признаюсь, что такой проект окончания сегодняшнего дня, столь для меня утомительного, меня испугал немного. Я боялся не совладеть с собой и не выйти благополучно из опасностей, которой я пятый раз в этот день должен был подвергать себя. Это состояние духа я приписываю больше голоду, чем утомлению. День кончался. Я должен был спешить, рассчитывая вернуться ночью. Мне дали превосходную лошадь и двух казаков, поразительно сметливых и умных, к большому счастью для меня, как это мы сейчас увидим. Поднимаясь в седло, я спросил у одного из казаков, нет ли у него хлеба и стакана чегонибудь выпить — «Вот, пожалуйста» предложил он мне своей бидон полный водки, белый хлеб и свиного сала. Я проглотил два или три глотка и взял

половину хлеба и ел во время езды. По дороге я сказал казакам, что я спешу и должен вернуться к месту, где я ночевал вчера. Сражение прекратилось по всей линии и на биваках стали зажигать огонь. После, распросив на разных постах, через которые я проезжал, я нашел Атамана Платова в большой деревне совершенно разрушенной, он помещался в хорошей усадьбе и пил чай, когда я ему представился. Я постараюсь описать исключительный прием Начальника всех Донских казаков, который сам был природным казаком и отличался величайшей храбростью, неукротимостью нрава и патриархальной простотой манер. Прежде всего, после доклада о прибытии адъютанта Императора, хотя Атаман был полный генерал, а я подполковник, он встал, низко мне поклонился, взяв меня под руку, усадил и сосредоточенно-почтительно спросил: «Что приказывает Царь?» — Я ему объяснил в чем дело, но не заметил, что я не вполне понят. За Атамана мне ответил полковник: генштаба, заведывавший оперативным отделом, что немедленно будут даны нужные приказания для исполнения повеления Государя, которые я привез. Он взял на себя предупредить и генерала Беннигсена об этом неожиданном передвижении. «Мы поедем все вместе», добавил бравый Атаман и я не лягу спать, пока не будет выполнено. Оттуда я поеду в другое место. А пока давайте пить чай». Это последнее предложение мне понравилось больше других. Я проглотил пять или шесть чашек чудесного чая с ромом и сверх того массу сухарей. Наконец-то я вполне восстановил свои силы. Количество рома, выпитое этим самым высшим командиром всех казаков, бросилось ему в голову и сделало его более чем веселым. Надеюсь, что он забудет свое первое предложение и встал, чтобы возвращаться туда, откуда я приехал, как этот дьявольски храбрый и молодцеватый мужчина мне сказал: «А ваш визит к Беннигсену? Нужно сделать его нам вместе и чтобы вы сами объяснили ему причину ухода всех казаков. Подать мою коляску и проводить нас к генералу Беннигсену!» — закричал он громовым голосом. В конце третьей минуты первая часть приказания была исполнена. Коляска была у дверей усадьбы. По настоянию Атамана с нами ехал и его начальник штаба. Коляска была открытая и запряжена шестеркой хороших лошадей по русскому обычаю: четыре лошади в корню и две впереди, управляемые верховым на правой лошади. Коренными лошадьми правил кучер, сидевший на козлах. Эскадрон избранных казаков из личной охраны Атамана окружил наш экипаж, как эскорт, держа в руках до сорока зажженных факелов. Мы отправились крупной рысью после того, как кучер получил грозное предупреждение: «Поезжай самой ближайшей дорогой, да смотри не опрокинь — шкуру спущу». Я совсем тихо спросил у полковника, знает ли он дорогу к Беннигсену — «по совести, совершенно не знаю, но казаки нас доведут, будьте спокойны. Бог милостив». Это же и я мысленно себе сказал. Я не могу до сих пор дать себе отчет о дороге, которой мы проехали и где мы находились. Прежде всего это было через пашни, буры, овраги и лесную чащу и я не знаю еще что. Невозможно вообразить какой встряске мы подвергались каждое мгновение среди поразительно темной ночи с этими факелами, слепящими глаза, с ветками деревьев, которые поднимали нам волосы и ласкали по лицу самым неприятным образом — и наконец вещь самая невероятная: в конце получаса этой дьявольской скачки мы приедем в деревню, где находится генерал, которого мы ищем. Когда мы выходили из экипажа мы заметили, что Атаман крепко спит, несмотря на толчки, тряску и пр.

Я рассказал по французски генералу Беннигсену об

исключительной дороге, какую я проделал и одновременно ознакомил его с приказанием Императора, а затем спросил не имеет ли он важных известий об операциях корпуса с момента, когда я оставил его днем. Генерал Бенингсен мне ответил: «Я только что окончил мой рапорт Императору об результатах дня относительно вверенного мне корпуса и я добавляю к этому распоряжение, данное корпусу Атамана Платова и вы отвезете все это вместе».

Через десять минут я предполагал ехать, как вдруг вспомнил, что моя лошадь и два моих казака остались в усадьбе, которую я только что покинул. Я уже решил переночевать здесь и днем отыскать лошадь и разузнать дорогу, когда к моему удивлению и вместе с тем к большому удовольствию я увидел моих молодцов казаков на дворе, один из них держал лошадь под уздцы. Оказалось они ехали за коляской — то что я забыл им приказать, так я был ошеломлен этой фантастической поездкой при свете этих факелов, должен признаться также и от пяти или шести стаканов рома, которые Атаман заставил меня поглотить в своем чае, под влиянием также и усталости, соединенной с совершенно пустым желудком — все это подействовало мне на голову. Нужно было спешить в главный штаб, но это было так трудно. Я решительно не знал в какую сторону нужно направиться. Я спросил казаков знают ли они куда нужно ехать, чтобы возвратиться к Императору. — «Да» — отвечали мне казаки; и вот мы поехали. Рысьи глаза моих проводников с помощью их исключительной сметливости замечали и запоминали бесчисленные особенности и приметы по пути. Я же был так далек от того, чтобы все это видеть и запомнить. Возвращаясь по той дороге, я слышал их голоса: — «А вот тот большой дуб — мимо которого мы ехали. Послушай, ты помнишь этот холмик?» Наконец после двух долгих часов пути, я прибыл к моему великому удовольствию в замок Розта, после 3 часов утра вымотанный, обессиленный, расслабленный и похудевший, в самом плачевном виде. Я поднялся к князю Волконскому, который еще писал. Я передал ему рапорт генерала Бенингсена, дав ему отчет в исполнении данных мне самим Государем приказаний и рассказал ему о моем необыкновенном путешествии с Атаманом — это заставило князя много смеяться. По-

О доблести

Забить весь мир для цели высшей,
Желанья волей победив;
Облечь свой дух, тоски не слыша,
В единый жертвенный порыв;
Страдать без трепета, без звука
И день любя — уйти во тьму,
Подать безглазой смерти руку,
Как будто другу своему;
Не ждать признательного слова,
О вечных лаврах не мечтать
И ежечасно быть готовым
Клубком кровавых ключев стать;
Исчезнуть вмиг, пропасть без вести,
Лишь чей-то выполнив приказ —
Вот это путь служенья чести,
Вот это доблесть без прикрас.

Мария Волкова.

том, заметив по моему лицу до какой степени я утомлен, князь указал мне на диван, говоря: «Ложитесь здесь, бедный мой Рошешуар». Повторять мне это не нужно было. Я упал на диван и сейчас же уснул свинцовым сном и проспал до 9 час. утра. С трудом меня разбудил один из товарищей адъютантов, крича мне в ухо что нужно садиться на лошадь и с Государем и свитой вступать в Лейпциг. С трудом я поднялся и прежде чем садиться в седло, увидел на столе остатки хорошего завтрака и с большим аппетитом принялся за него, чтобы вполне восстановить свои силы...

Я хочу обратить внимание читателей казаков, как удивительно честно, аккуратно и добросовестно и успешно исполняли боевую службу все казаки, начиная от вестового и разведчика и до самого Наказного Атамана графа Платова. Да поможет Господь всем казакам с такой же доблестью и честью окончить славнейшей в истории победой эпическую борьбу «за вольность, честь и мир» всей Европы и за веру христианскую.

Перевел с французского Гр. Столповский

Казачий календарь на 1944 г. вышел из печати

СОДЕРЖАНИЕ КALEНДАРЯ:

От Митрополита Дионисия. — П. Н. Краснов, Рождество Христово. — Попов, Христославщики.
— Н. Туроверов, Сочельник. — П. Н. Краснов, Историческая карта Дона, часть 2-я. —
Т. Левшина, Гетман (окончание). — Н. Васильев, Начало новой истории. — И. Коноводов, Великое событие. — Аспид, Два рода казаков. Наши деды — воспоминания о г-ре Рошежуара. — М. Волкова,

О доблести.

О казаках и иллюстрации худ. В. Д. Ткачева.